

Главы из романа
(продолжение, начало в №№ 2–3/2022)

Глава 25.
Между Вазузой и Везером

Утром следующего дня муж делился впечатлениями.

— Какое-то чудо! — шептал он, стараясь не разбудить хозяев. — Огромное, светлое помещение! Операционная! Один сосед сделал там офис, другой — мастерскую, у Толика — полочки, стеллажи, любо-дорого поглядеть. Наши мужики ходят в гараж, а германские — в подвал!

— Наверное, Толик расхвастался, отвел душу? — предположила я.

— Не сказал бы, — покачал головой Дима. — Пока я нахваливал, он вдруг стал вспоминать свое хозяйство: кур, поросят... Едва не разрыдался. Глянул на все свои полки, рукой махнул: мол, это все фуфло, я раньше сам мебель делал в сто раз лучше, квартиру со своей мебелью продавал, так ее с руками оторвали...

— Вот загнул: «мебель»! — усмехнулась я. — «Гарнитуры из спичечных коробок» — так называла Хельга Карловна его творения. Он же все делал из бросовой фанеры, которой обшивали мебель для транспортировки. С работы ее приносил.

Действительно, Толик был гением бережливости. Как Соня боролась за каждый сантиметр бельевой резинки, так и Толик использовал буквально все, что удавалось урвать на работе. Его кухонные шкафчики и полочки закрывались дверцами, да не самодельными, а заводскими. Полку над мойкой скрывали дверцы из белой фанеры с золотистыми ручками, похожими на гильзы патронов. Широкую полку с чайным сервизом закрывал полированный прилавок от секретера с внушительной бронзовой рукояткой-подковкой. Выше, прямо под потолком, располагались сразу три дверцы от тумбочек: серая, кремовая и темно-коричневая, от кухонного и спального гарнитуров вперемешку. А над плитой блестела филенчатая дверца от дорожной импортной стенки нежно-персикового оттенка. По одной лишь фурнитуре этого «комплекта» можно было писать монографию об истории импорта мебели в СССР с 1975 по 1990 год включительно.

— Но ведь это безвкусно.

— Да, но это все мелочи, по сравнению с тем, как открывались все эти шкафчики! Вот представь, перед тобой квадратная дверца с ручкой слева. Ты берешь правой рукой и тянешь на себя, слева направо, и получаешь дверцей по лбу, поскольку она откидывается сверху вниз!

— Да это просто полоса препятствий, — заметил муж.

— Был там и сейф для чая и специй.

— Прямо-таки сейф?

— Да, полочка, дверца которой не открывалась, зато в ней были просверлены дырочки. Открываешь соседнюю дверцу, на стенке полки нащупываешь шляпку гвоздика, вытягиваешь его из дырочки — и дверка секретной полки падает прямо на тебя. Таким же образом закрываешь: возвращаешь дверку на место и в потайную дырочку вкладываешь гвоздик.

— Здорово, — улыбнулся муж. — Стена из заплат, да еще и с сейфом.

— И небольшая ниша под потолком — исключительно функциональное решение.

— А там что хранилось? Умираю от любопытства.

— Туда укладывались зеленые помидоры.

— Зачем? — с ужасом спросил муж.

— Чтобы покраснели.

Нас отвлек стук в дверь: Соня позвала завтракать.

На кухне вовсю пузырился чайник, радовалось радио, скворчала сковородка. Соня сидела во главе прямоугольного кухонного стола и наре-

зала большие многослойные салфетки на четвертинки. Ее голубенький нейлоновый халат я помнила с детства. Это был парадный халат, для особых случаев. За спиной Сони, отвернувшись к окну, курил Толик. На нем были роскошные домашние туфли, строгие черные брюки и белая советская майка.

— За кашкой следишь? — спрашивала Соня, складывая салфетки треугольниками.

— Яволь¹, — отзывался Толик, глядя в окно.

— Гут, — улыбалась Соня, щелкая в воздухе ножничками.

Мы сели за стол.

— Тарелки мамыны, дежурные, — смущенно проговорила Соня.

— Красивые, — похвалил Дима.

— Да, — кивнула Соня и принялась рассказывать нам о пользе овсянки, повторяя в точности слова своей мамы.

Я вдруг словно вернулась в то далекое лето, когда мы приехали в гости к Хельге Карловне, и она впервые поставила на стол эти тарелки. Золоченый ободок и два листочка липы — багряный и серый. Дора капризничала, не хотела есть овсянку, а я должна была «подать хороший пример». «Посуда любит чистоту, — говорила Хельга Карловна, — ешьте, пока не появятся листочки...»

— ...А тут листочки, — произнесла я вслух.

— Да с такими сосисками даже кашу можно съесть, — горделиво добавил хозяин.

— Наташа не звонила? — спросила я.

— Нет, конечно, — отозвался Толик. — Это же остров, а там то циклон, то тайфун.

— Наша Дора-Помидора с мужем тоже туда летали, — подхватила Соня. — Два дня купались, а потом пять дней сидели в номере: дождь стеной, ветра дикие, все провода оборвало... Так без света и куковали.

— Во-во, — кивнул Толик, — только деньги выкинули! Короче, сможет позвонить, сразу и позвонит. А я пока вам такое покажу — закача-етесь!

— Правильно, — поддержала Соня. — Только зонт захватите.

Мы снова прошли среди жасминовых палисадников к трамвайной остановке. Ждали трамвая, а потом летели среди прехорошеньких домиков по пустынному, словно спящему, городу. И хотелось ехать и ехать, смотреть в окно и напевать:

¹ Jawohl — так точно (нем.).

Сядь в любой поезд,
Будь ты как ветер,
И не заботься ты о билете,
Листик зеленый зажми ты в ладони...
Прошное больше тебя не догонит!²

— Билеты! — подскочила я. — Опять забыли!

— Яволь, — кивнул Толик. — Я вас научу, как выбрать самый выгодный...

— Давайте компостировать, — перебил его Дмитрий.

— Ладно... Komm zu mir! — Толик увел его к автомату в середине салона.

Билеты были прокомпостированы, и можно было спокойно ехать дальше.

— Где у вас трамвайные билеты продают? — спросил муж. — Нам нужен единый на неделю.

— Да ты чокнулся, что ли? — возмутился Толик. — Ладно, — повернулся он ко мне. — Тебя научу. Зашли, огляделись — и дальше едете остановку, а на второй, как тронулись — пробиваешь! И вас не ссадят, даже если поймают: рожу кирпичом, я же того, фарен — еду, в смысле, зачем мне выходить! Фирштейн?

— Хватит, — сказала я. — Дай хоть в отпуске расслабиться.

— Да вы с дуба рухнули! Единый покупать! — Толик никак не мог успокоиться. — Такая куча денег! А если это перевести в пиво...

Трамвай вылетел на широкий мост, и мы прижались к окнам.

— А что за река? — спросила я.

— Река, и все. Не Волга, — отшутился Толик. — И не Вазуза.

— Бремен расположен на реке Везер, — прочел в путеводителе Дмитрий.

— Так, пора на выход, — скомандовал Толик.

Мы вышли и огляделись.

— Значит, сувениры! — потирая руки, огласил Толик.

Дмитрий не стал с ним спорить. Он оставил нас с Толиком у сувенирного киоска, а сам пошел за билетами.

— Ну, счастлив, — ехидно поинтересовался Толик, когда Дима вернулся, — что ящик пива выбросил? А еще коммунизм хотели строить!

— Счастлив и готов любоваться Вольным городом Бременом! — отрапортовал Дмитрий.

² Песня Марыли Родович.

— Ладно, дело ваше, — махнул рукой Толик. — За мной!

И он повел нас к узенькой пешеходной улочке Schnorr.

Мы долго гуляли среди крохотных особнячков, как среди декораций к сказкам братьев Grimm. Вывески приглашали выпить кофе или пива, отобедать, отужинать, прикупить фарфоровую свинку или плакат с белокурой Mädchen и, конечно, бременскую четверку из стекла, фарфора, металла или пластика. Made in China. Доступно и на любой вкус!

Незаметно мы оказались возле старинного собора. Старые камни, резные врата, витражи и лепнина.

— А какого года это сооружение? — поинтересовался Дмитрий. — Действующий храм?

— Очень старый, — отвечал Толик. — Ну, да, работает...

— А почему тут на стене вот эти плитки? — интересовался муж.

— А это во время войны тут все разрушили и не смогли восстановить, — объяснил Толик, — а на новый дом остатки того здания прилепили, как память.

Мы с мужем принялись изучать старинные фрагменты. На одном из них была надпись: «Post fumum ignis post mortem aeternitas».

— Как это переводится?

— Шут его знает, — пожал плечами Толик, — это не по-немецки.

Дмитрий сфотографировал загадочную надпись.

— Оно тебе надо? — удивился Толик.

— Интересно разобраться. Здесь был собор?

— Вроде, да... — неуверенно ответил Толик.

И, хитро прищурившись, ткнул Дмитрия пальцем в плечо:

— Лучше ты мне скажи: красиво, а?

— Великолепно! — кивал Дмитрий. — Впечатляет!

— Когда мой Барин приезжал, ему очень нравилось. А женка его тут все сфоткала!

И Толик с удовольствием взялся вспоминать своих более послушных гостей.

— Щелкните меня у бочки, — попросил муж и припал к огромной пивной таре на входе в кафе. — Давайте зайдём.

— Не сюда, — качнул головой Толик. — Я знаю хорошее место...

Мы вошли в пустой бар, куда Толик нас привел, пожелали доброго дня хозяйке за стойкой и осмотрелись.

— Давайте здесь сядем, — предложил Толик, указав на просторный стол у окна.

Все здесь было затянуто в красную кожу: сидения барных табуретов, кресла и стулья. На стенах плакаты Элвиса Пресли и конверты пластинок прошлого века.

— Милое местечко, — оценили мы с мужем.

— И цены не кусаются, — вполголоса добавил Толик. — Я сюда часто захожу.

Аппетитная белокурая хозяйка в джинсах, блузе и корсете подала нам меню и вазу с орешками. Дмитрий не дал ей уйти, заказав сразу же местное бременское пиво и отвесив комплимент ей, ее заведению и всему бременскому народу. Хозяйка заулыбалась, оправила белые кружева на исполинском бюсте и упорхнула. Не прошло и минуты, как мы уже сдвигали высокие бокалы.

— Будем здоровы! — сказал Дмитрий.

— Будем-будем! — пообещал Толик и в два глотка осушил высокий стакан.

Затем он достал из кармана пиджака потертую записную книжку, заглянул в нее и показал нам календарь:

— Значит, вы приехали вчера, в пятницу, — он ткнул пальцем в месяц август и подчеркнул ногтем восьмое число, — день прилета-отлета не считается, все уставшие, потому я встречаю и делаю кляйне кюгель — это круг, значит, по району. А вот на второй день, — он подчеркнул ногтем девятое число, — я всем центр показываю, старый город, вот и вам показал. А завтра воскресенье, значит, можно на ярмарку поехать, — он закрыл пальцем десятое число. — Это ж как вам повезло, что вы выходные зацепили!

Он говорил так, словно вся наша неделя в Бремене безраздельно принадлежит ему, Адольфу Лоттеру.

— За туризм! — провозгласил Дмитрий.

— Да! — согласился Толик. — И за наш старый город! Ну, красивый же, Димыч?

— Сказочный, — поддержал Дмитрий, — а каждый метр там — золотой!

Услышав это, Толик потерял контроль над собой. Захлебываясь слюной, он уже грезил наяву о том, что он сделал бы, кабы был у него домик на улочке Шнорр.

— Они же ничего не делают! Богатство, только вдумайтесь, само идет им в руки! — возбужденно говорил он. — А все потому, что живут в хорошем месте.

— Так и вы здесь живете, — вмешалась я. — Набирайте клиентов, водите экскурсии...

Толик покраснел от возмущения:

— Я что, по-твоему, учился экскурсии водить?

— А что там учиться? Купил путеводитель, выучил десяток названий и дат, и все!

— Ах ты, умная Маша! Да не могу я такого!

— Как это «не могу»? Пять минут назад ты рассказывал, как встречаешь и куда водишь своих гостей, — напомнила я.

— Как нас ведете, — поддержал меня Дмитрий, — так и других водите. Дал объявление в Интернете, записал желающих, встретил, устроил в гостиницу, провел по городу, взял свои комиссионные — и свободен.

— Это не есть просто, — поджал губы Толик, — а налоги?

— А за нас будут налоги? — спросила я.

— Ща, шнурки поглажу, — огрызнулся он, — я про вас говорить не обязан.

— И про туристов не говори.

Минуту он анализировал наши слова.

— Да, удивили вы меня, — признался он наконец. — Ко мне уже половина города N приезжала, но никто до такого не додумался, даже Барин.

— А он вообще кто? — спросил Дмитрий.

— Барин — это директор мой бывший. Мы с ним такие дела проворачивали... — он многозначительно замолчал. — Ладно, я на цвайн минутен отойду...

— Слушай, а давно он так поддает? — спросил муж, понизив голос, едва мы остались наедине.

Действительно, за последние сутки Толик выпил больше, чем за все время нашего знакомства.

— Не знаю... Раньше он больше ста граммов на Новый год не пил.

— Может, он так с радости. Ладно, давай карту посмотрим...

Мы сдвинули пустые кружки и развернули карту Бремена на столе.

— Что замышляете, шпионы? — Толик подошел к нам, радостно потирая руки.

— Хотим посетить пивной завод, — Дима выразительно щелкнул пальцем по большому рекламному плакату пивоварни и снова склонился к карте.

— Не-е, это же ехать надо, — покачал головой Толик.

Но тут вмешалась хозяйка кафе. Она подошла к столу, подвинула к себе карту, большим пальцем провела по реке, указательным пальцем «шагнула» на мост, а безымянным — на другой мост, потянулась мизинчиком чуть правее и показала местоположение пивоварни.

— Danke schön³! — поблагодарили мы, чем очень ее порадовали.

— Тут нужен гид, — сказал муж, глядя то на карту, то на нашего капризного проводника.

³ Спасибо большое (нем.).

— Хорошо уже подкалывать, — отмахнулся Толик. — Как будто я умею!
— Ну, обзовите по-другому, — посоветовал Дмитрий. — «Покажу город» — нам же вы его показываете. И за отдельную плату экстрим-тур с погружением: «Жизнь на социале»!

— Думаете, это просто — жить на социале? — воскликнул Толик, и шея его побагровела. — За все нужно платить: за свет, газ, воду, батареи! И они еще ржут, что в России инвалидов каждый год на комиссию гоняют подтверждать, что нога новая не выросла. А тут что? — он шарахнул по столу кулаком. — Тут каждый месяц изволь принести справку, что ты нуждаешься...

Он уже не мог остановиться, говорил все быстрее и быстрее, словно боясь, что перебьют. Хозяйка окликнула его из-за стойки, намереваясь рассчитать, но Толик грубо отмахнулся:

— Не до тебя!

И тут же щелкнул пальцами:

— Тащи еще пива и шнапса!

Я заметила изумление на красивом невозмутимом лице хозяйки.

Толик в два глотка влил в себя новую дозу пива, достал блокнот и принялся записывать свои личные доходы и траты, оглашая каждый пункт.

— Ну, посмотрите! За каждую справку, за Сонькины анализы, которые социалом не покрыты, за русскую программу, за батареи, за свет...

В моей памяти еще жил Толик начала восьмидесятых: самоуверенный, холерный, как оперный певец, до краев переполненный собственной значимостью. Все у него было не в далеком будущем, а уже сейчас — в настоящем. В начале девяностых, когда понятие «дефицит» смыли хлынувшие в страну товары, Толик стал угрюмым и злым, но еще не был доведен до отчаянья. А теперь он сидел в самом центре Европы, над стаканом отличного пива, и с трудом сдерживал слезы.

— Ну, мало же! Мало! — твердил он и тыкал ручкой в столбики цифр.

Хозяйка бара смотрела на нас со строгостью завуча. Толик приближался к стадии проверки табуретов на прочность.

— Мне дурно, — соврала я, — давайте выйдем на воздух.

— Помогите, пожалуйста, — попросил муж Толика, — я рассчитаюсь.

Толик взял меня под руку и бережно вывел из бара. Следом вышел Дмитрий.

— Кстати, тут мы поворачиваем, — вспомнил Толик. — Вас ждет удивление. За мной!

Мы послушно пошли вслед за ним, лавируя среди туристских групп.

— Вот, посмотрите! — он указал нам на внушительную толпу возле старого здания, где люди галдели, толкались, щелкали фотоаппарата-

ми. — Это только русаки могли выдумать какого-то мужика до кучи! Вот так всем в России и расскажите: пастуха у них не было!

Над зеваками возвышалась тонкая бронзовая скульптура: те самые Бременские музыканты — и никакого Трубадура.

Глава 26. Первая экскурсия Адольфа

На Рыночной площади города Бремена суетился народ. Рабочие в желтых комбинезонах устанавливали зеленый шатер над деревянной сценой. Работали они деловито и слаженно. Два седовласых старичка, похоже, страшно гордые своей миссией и новенькой униформой, подметали свежие опилки. Еще один дедок разматывал бесконечный кабель, за ним дюжие молодцы уже тащили лавки, а следом звенела тележка, уставленная цветочными горшками с нежными петуньями. Со всех сторон на площадь въезжали фургоны со снедью и пивом. На каждом шагу возводились палатки, белокурые официантки расставляли на барных стойках пивные кружки и фужеры для господ побогаче и бумажные стаканчики для публики попроще. Под тентами важно ждали своего триумфа темные бочки.

— Нынче праздник? — полюбопытствовал Дмитрий.

— Еще бы, — откликнулся Толик, — первая суббота на этой неделе! Концерт, и обязательно пиво-воды-углеводы. Чтобы, значит, люди развлекались. Свои ойро⁴ несли этим кровопийцам.

— Дорогое пиво? — догадались мы.

— До ужаса, — скривился Толик.

На площади появилась реанимационная машина.

— Вон, видали! — он выставил мизинец в сторону врача, выгружающего свой чемоданчик из «неотложки». — До утра будут дежурить. Все по уму.

— Вот как бы мы все это узнали без экскурсовода? — попытался задобрить Толика Дмитрий.

— Вот сейчас все брошу и пойду учиться на компьютере! — обиделся тот.

— У Доры же есть комп, — сказала я.

— Есть, — неохотно согласился Толик.

— Вот! — обрадовался Дмитрий. — Она вам поможет.

⁴ Евро (нем.).

— Бред сивой кобылы, — замотал головой Толик. — Где я — и где эти самые экскурсоводы?

— А Роланд где? — спохватилась я. — Тут же Ратуша, значит, должен быть и Роланд.

Толик расхохотался и ткнул пальцем в небо над собой. Мы задрали головы и тоже засмеялись: на нас сверху вниз взирал каменный рыцарь, постамент которого окружали палатки и канистры с пивом.

— А кем был этот Роланд? — не удержалась я от вопроса.

Еще в Амстердаме мы с мужем читали путеводитель, так что знали, что Роланд — рыцарь с обнаженным мечом правосудия — является символом свободы средневекового города, но нам хотелось услышать от Толика какую-нибудь легенду.

— Дался тебе этот Роланд-Рональд! — огрызнулся Толик. — Ну, не Рейган точно. Можешь считать, что эта статуя — самая большая в мире.

— Сомневаюсь, — покачал головой Дима. — Сколько тут высота? Метров шесть? Родина-Мать в Сталинграде выше в разы.

— Да-а, — покачал головой Толик, — вы нашли друг друга! Жаль, ты мою тещу не застал. Она бы еще и в метрах все назвала. Такая же егоза была, как ты, до всего ей было дело...

Толик попытался обойти стацию Роланда, выискивая свободное место.

— Со всех сторон обложили тюками! — наконец с досадой признал он. — Не сфоткать его! Точно придется еще раз приходиться.

— Конечно, придем!

— Охота подметки снашивать? — изумился он. — Ладно, с вас стается. А сейчас нас ждет Золотая улица. Вон, на доме девка, — он указал пальцем на здание из красного кирпича, фронтон которого был украшен позолоченным барельефом. На барельефе стройная длинноволосая фигура, словно пикируя сверху вниз, грозила огромным мечом жалкому трехглавому змею.

— Вставной зуб Бремена, — пошутил муж. Очень уж новенькой казалась эта золоченая вставка на фоне старых кирпичей.

— Ну, не знаю, — обиделся Толик. — Барина сюда приводил, Барыню, да всех приводил, и всем девка понравилась!

— И нам нравится, — заверил муж. — Я пошутил. А почему она с мечом?

— По кочану, — огрызнулся Толик. — Я ее, что ли, делал?

— А как по-немецки называется это место? — спросила я.

— Мы называем — «Золоченая улица», — надменно сообщил Толик, — а как по-ихнему, шут его знает. Зачем себе голову забивать? Один фиг — забудешь.

Спорить с ним не было никакого желания, и я промолчала.

— Меня — в экскурсоводы, — ворчал себе под нос Толик. — Это же додуматься надо. Меня!

— У вас отлично получается, — убеждал его Дмитрий.

— Kein Problem, — дернул плечом Толик. — Наша экскурсия продолжается со всеми остановками...

И мы шли за ним до улицы Свинопаса (как он ее называл) с прехорошенькими хрюшками, дивились розовым гирляндам на окнах древних особнячков, старым деревянным дверям, лавкам и ставням. Незаметно брусчатка сменилась плиткой: мы вошли в торговый квартал из стекла и бетона. Тут Толик оживился: он замирал у витрин бутиков, показывал лучшие цены и модели, что-то решительно браковал: «Брешут! Не кожа, а клеенка!», что-то восхвалял: «Сносу нет! Вот это фирма!».

На входе в очередной магазин наши взгляды привлекала колонна «Райский сад», изображающая Адама, Еву и Змея-искусителя. Стоящий на кончике хвоста, как на ноге, Змей сжимал в зубах красное яблоко. Адам и Ева поражали своим уродством.

— Представляете, каким был Бог, если вот такую образину сложил по своему подобию? — усмехнулся Толик и похлопал Адама по выпирающему брюшку. — А я всех сюда привожу. И девкам советую: «Хочешь, чтобы муж тебя хотел, тогда погладь Адама по тому самому месту, — примета есть такая, народная, бременская...» Ладно, киндеры, двинули на мельницу! Последняя остановка...

Не прошло и четверти часа, как мы очутились на небольшом мостике через реку.

— Зырьте! — пригласил Толик, опираясь на перила моста, с которого открывался чудесный вид на старинную мельницу.

— Так здесь и начинается тот самый «Парк на Валу»? — предположил муж. — Он идет от голландской мельницы и окружает весь центр города.

— Нет тут такого парка, — отрезал Толик.

— Ну, как же, — растерялся Дмитрий. — Я читал в путеводителе: «Как веноч украшает голову девушки, так парк Wallanlagen украшает центр Бремена...»

— Дима, вы нашли друг друга! — повторил свой диагноз Толик и постучал указательным пальцем по виску. — Говорю же тебе: нет тут такого парка. Мельница есть, а парка не знаю.

Пока мой неподготовленный супруг переваривал такую новость, Толик уже решительно тащил нас за собой к трамвайной остановке.

— А там что? — Дмитрий показывал на здание в противоположной стороне.

— Bahnhof, — пожал плечами Толик, — вокзал по-вашему.
— Давайте зайдём, — предложил муж, — расписание поездов узнаём...
— Давай потом, а? — возразил Толик. — Мне вас до хаты проводить надо, и ещё дела есть... неотложные, — он замылся, не желая посвящать нас в свои планы.

— А зачем нас провожать? — изумились мы с мужем в один голос.

— Чтоб вы не потерялись!

Тут уж мы не смогли удержаться от смеха.

— Чего ржете? — буркнул Толик.

Дмитрий не слушал, он уже звонил Соне:

— София Всеволодовна? Это Дима. Да, мы с Анатолием гуляем в центре. Да, нам очень понравилось. Мы ещё погуляем? Как славно! Не спешите с обедом... Да... Пока.

— Ну, че шпрехает? — спросил Толик.

— «Гуляйте, я суп ещё не ставила», — повторил слова Сони муж. — Она рада была, что я позвонил и напомнил.

— Алку слушала, — покачал головой Толик. — Ну, Пугачиху! Ладно, давайте nach Bahnhof⁵.

Дважды повторять не пришлось.

На вокзале мы долго изучали расписание поездов.

— Да вроде тут «Отбытие», а тут «Прибытие», — Толик ткнул пальцем в табло расписания. — На кой вам уезжать? Че там смотреть? Все такое же, как здесь.

— По-моему, ближе всего Гамбург, — сказала я.

— Найн! Такого нет города, — усмехнулся Толик. — Есть Хамбурх. А вот так спросишь, тебя не поймут. Я битый час на работе распинался, как был в Ганovere, ну, мужики кивали, радовались: «И когда же наши такой город новый ухитрились построить!» — вот я опупел, а они не понимали, что я про ихний Ганover. Они произносят мягкое такое «Ха»: Ханover.

Я вновь улетела в далекое детство, где Хельга Карловна объявляла: «Хайнрих Хайне⁶» — и читала стихи:

В конце аллеи был обрыв,
Где, разыгравшись на просторе,
В часы прилива, в глубине
Шумело Северное море.

⁵ К вокзалу (нем).

⁶ Генрих Гейне.

Я уходил туда мечтать.
Там были безграничны дали.
Тоска, отчаянье и гнев
Во мне, как море, клокотали.

За вольным бегом парусов
Следил я жадными глазами.
Но замок проклятый меня
Держал железными тисками...

— Вот и теща все ездила, — вернул меня в реальность голос Толика. — То в Берлин, то в ХанOVER. Че она там забыла? Пиво наше и то лучше!

— Кстати, о пиве, — прервал его Дмитрий, — на завтра какие планы?

— Воскресенье, — обрадовался Толик, — пиво можно, хоть весь день!

— Отлично! Значит, завтра и пойдем на экскурсию по пивному заводу.

Толик попытался возразить, но не тут-то было! Они спорили минут десять, пока Дмитрий не выложил последний козырь: «По воскресеньям скидки на билет».

— Ладно, я добрый, — сдался Толик. — Уломали.

— А давайте узнаем цены на билет, — и с этими словами Дмитрий увел Толика к кассам.

Глава 33. **Лотерея**

— Знаешь, — сказал Дмитрий, когда мы наконец остались наедине, — раньше я думал, что ты преувеличиваешь «заслуги» Толика.

— А теперь? — спросила я.

— Теперь вижу: ты преуменьшила! Третий день слушаю его и не перестаю удивляться: живет на пособие, квартира есть, бытовая техника есть, одет-обут, ежедневно пол-ящика пива может себе позволить, но при этом жизнью недоволен. Грузчик с апломбом премьер-министра! Живет в Бремене, не удосужившись узнать, как улицы называются. Действительно — зачем? Слушай, а он вообще здесь, в Германии, работал? Ну, у Хельги Карловны была пенсия. А на что живут остальные?

— Лоттеры работали в самом начале их германской жизни, — объяснила я. — И Соня, и Толик, и Дора. После окончания языковых курсов их трудоустроивали. Соня нам звонила и рассказывала, что нужно вставать в половине пятого утра и очень долго ехать на заводском автобусе. Они работали на поточной линии по четыре часа три раза в не-

делю. Этикетки наклеивали или сортировали товары по коробкам, уже не помню. По словам Сони, заводу было выгодно нанимать рабочих на почасовую оплату. Она часто жаловалась, что очень трудно стоять на поточной линии, и что они ждут сокращения. Мы сочувствовали: бедолаги, могут работу потерять. А потом Соня позвонила в восторге: «Ура, нас сократили!»

— Класс! — Дмитрий покачал головой. — Помощники приехали на историческую родину! А зять?

— Зять лет десять работал разнорабочим на фабрике по производству растворимого кофе. Правда, о стабильности речи не шло, так как работал по временному договору. Перманентный испытательный срок. Чуть что, сразу вызывают в отдел кадров: «Вы забыли, что вы здесь временно?» Хельга Карловна считала, что Арнольд язву заработал от этой неопределенности...

— Погоди-ка! — Дима остановился и обернулся. — Показалось, что дядя Адольф крадется за нами.

— Дима, может, ну их к лешему? Давай в гостиницу переждем!

— Еще чего, — усмехнулся муж, — Досмотрим спектакль до конца. Во-первых, мне не терпится послушать, что расскажет твоя подруга, когда вернется. Ну, не верю я в такие совпадения. Мечтаю услышать ее версию про острова, смерчи и тайфуны, и заодно о том, как мистер Лоттер за неделю узнал, что она опоздает к нашему приезду.

— Должна быть причина... — растерянno пробормотала я.

— Вот мы и слушаем, что Наташа нам расскажет, — воодушевленно подхватил Дима.

— Ты сказал — во-первых. А что же тогда во-вторых?

— Во-вторых, нам надо все узнать про Хельгу Карловну. Это же настоящий детектив!

Я задумалась. В самом деле, почему Толик так испугался, когда мы спросили про поездки Хельги? Может, знает что-то, но скрывает? Но зачем?

— Ты думаешь, все дело в Гамбурге?

Муж кивнул:

— Что-то там было особенное. Иначе почему Адольф так юлил?

— Может, Хельга Карловна пыталась найти клинику для лечения Сони, но неудачно.

— Все может быть, — согласился муж. — А что на самом деле, мы выясним.

Соня не сразу открыла дверь. Еще в подъезде мы услышали ее неуверенные шаги из дальней комнаты.

— А обеда нет, — прошептала она вместо приветствия.

— Вот и славно, — обрадовался Дмитрий, — мы не голодные. А почему шепотом?

Соня приложила палец к губам и поманила нас в кухню. На цыпочках, как заговорщики, мы последовали за ней.

— Садитесь, отдохните, — предложила она, плюхнувшись на свой стул. — Небось, все ноги стерли.

— Жить будем, — заверил Дима. — А где хозяин?

— Он на игру настраивается.

— Он занялся спортом? — изумилась я.

— Да ну! — отмахнулась Соня. — Лотерея. Ставка больше, чем жизнь!

В гостиной плавал сизый дым. На журнальном столике лежали авто-ручка и раскрытая тетрадка в сорок восемь листов. На краешке дивана сидел Толик. Он глаз не сводил с телеэкрана, на котором грудастые девицы полировали огромную розовую машину. При нашем появлении он поспешно захлопнул тетрадь и, придавив ладонью ее коричневую клеенчатую обложку, снова уткнулся в экран.

— Ты очумел? — воскликнула Соня. — А ну, выключи!

Толик скрестил руки на груди и отвернулся от супруги.

— Дело на сорок миллионов, а она лезет, — еле слышно пробурчал он.

— Кто к тебе лезет? — возмутилась жена.

— Ты и лезешь! — рявкнул он. — Я по твоей милости последнюю цифру найти не могу! Вот как ее теперь найти?

— Что значит «найти»? — спросил Дима.

— Найти цифру, на которую поставить, — объяснила Соня, — из специального списка.

— Никак выбрать не могу, — признался Толик, плечи его дрогнули.

— Тройка, семерка, туз, — пробормотал Дмитрий.

— Тройка? — встрепенулся Толик. — А почему тройка? — он заглянул в свою тетрадь и затряс головой. — Не-не, Дима, тройку как раз нельзя, она совсем неудачная...

— Не думай, — посоветовала я, — пальцем ткни.

— Легко сказать! — воскликнул он. — А я по часу порой сижу и не могу заполнить карточку. Повториться боюсь, номера несчастливые взять. Вот у меня все «выигрышные» комбинации записаны, — Толик снова распахнул тетрадь, густо исписанную неуверенным почерком третьеклассника.

— Елки-палки, — пробормотал Дмитрий.

Толик посмотрел на нас, потом снова на свою тетрадь, потом снова то на меня, то на Дмитрия. На его лбу проступили глубокие морщины.

— А вы когда-нибудь играли? — спросил он, вытаскивая из кармана мятую пачку сигарет.

— Нет, увольте, — улыбнулся Дмитрий. — У нас в семье по части интуиции лидирует прекрасная половина.

— Точно, — хлопнул себя по коленям Толик, — новеньким всегда везет. Давай рискнем! — он уже летел прочь из комнаты, распахивал шкаф в передней, роняя какие-то коробки и тюки, чертыхаясь и охая, что-то тащил с антресолей...

И вот уже я сидела за столом, а передо мной лежал бланк лото: красные цифры на белом фоне, расположенные квадратиком семь на семь: от единицы до сорока девяти. И Толик вкладывал мне в руку свою особую, «счастливую», авторучку, тут же спохватываясь и убрал ее, просил взять свою личную, предлагал мне воды, чая, кофе, воздуха или света. Он вскакивал, щелкал выключателем, снова гасил свет, распахивал и вновь опасно захлопывал дверь балкона, и все только ради того, чтобы я зачеркнула семь алых цифр на белом листе бумаги.

— Готово, — я протянула ему карточку.

— Ну, ты даешь! — покачал он головой. — Даже толком не подумала! Как ты выбирала?

— Зачеркнула, что под ручку попало.

— А мне какую выбрать? — простонал Толик.

— Эту, — ткнул ему пальцем в карточку Дмитрий.

— Да ты что? Эту нельзя! — Толик снова нырял в свои «конспекты», чесал затылок, закрывал глаза ладонью, силясь вспомнить что-то несказанно важное.

— Время, — бесстрастно напомнила Соня.

— Дима, бежим! — Толик уже вкладывал карточки в тетрадь и летел к двери. — Мне нужна твоя поддержка.

— Вот-вот, давайте, — кивнула Соня. — Ни пуха, ни пера, ни двойки, ни кола!

Не успела она договорить, как их и след простыл.

Глава 34. Смородина для Сони

В прошлой, догерманской жизни своей спальни у супругов Лоттер не было. Вечно им приходилось ютиться в проходной комнате на раскладном диване, где по вечерам все вместе смотрели телевизор, а по утрам Соня делала «план» на своей вязальной машине.

— Уж в Дойчланде я такой будуар заведу! Вы все ахнете! — обещала она.

И вот сейчас, впервые с момента нашего приезда, Соня пригласила меня в свой будуар. Оказавшись там, я так и замерла на пороге. Посредине комнаты располагалась двухъярусная грубая койка в стиле хайтек, слева от нее у глухой стены на полированной тумбе стоял проигрыватель, справа, у окна, что-то громоздкое, напомнившее мне рояль.

— Как дети, да? — усмехалась она, неловко ковыляя вдоль кровати и хватаясь за ее выступающие детали. — На старости лет поставили себе такую колымагу! Мои вещи иначе вообще не влезали. Вот мы двуспальную на «детсадовскую» сменили... Слушай, я тебе сейчас такое покажу — закачаешься!

Мы прошли в другую часть комнаты, и Соня замерла над черным покрывалом, ошибочно принятым мною в первую минуту за рояль.

— Располагайся и стул зацени, — предложила она. — Смотри, как ловко мы поставили, прямо перед окном. Глянь, какой там лес! Сяду и люблюсь. И свет экономим, — добавила она.

— Да, вид прекрасный.

— А вот это моя мечта, — Соня возложила руку на черное покрывало. Я молчала, осознавая всю важность момента.

Выдержав паузу, она сняла чехол из темной ткани, и моему взору открылся огромный рабочий стол. Чего на нем только не было! Отрезы ткани, выкройки, коробки с нитками и пуговицами, крючки, спицы, ножницы, булавки... Но более всего меня потрясла вязальная машина.

— Ну, завидуй, Аида-младшая! — подзадоривала меня Соня, поглаживая ладошкой длинный ряд крючков и никелированных деталей. — Двухфонтурная вязальная машина! Не хухры-мухры!

Я смотрела на машинку и не могла поверить своим глазам. В голове крутились страшные вопросы. Как же их скрутила жизнь, что Соня снова вынуждена вязать? А ведь я помню, как она сдавала в ателье свою машинку, приговаривая: «Никогда больше, ни за какие коврижки, никакого плана, никаких норм!»

— Понравилось?

Я только и смогла кивнуть.

— Знаешь, как я люблю делать? — Соня, не дожидаясь ответа, ловко влезла на второй ярус кровати.

Через мгновение сверху показалась ее светлая макушка.

— лягу тут на верхней полке и балдею! Так здорово на небо смотреть! Слушай, — она свесила руку и потрепала меня по голове, — а ты-то помнишь, как у тети Лиды, ну, у прабабушки твоей, перину летом выносили на улицу проветривать?

— Помню!

И мы почти в унисон принялись вспоминать, как Аида-старшая и Хельга Карловна бережно выносили из дома покрывала и ковры, а затем уже перины и подушки. Покрывала раскладывались на чистых выметенных мостках и деревянной площадке перед крыльцом, а уж на покрывалах нежилось прочее добро, именуемое волнующим словом «приданое». Чуть отдохнувшее на солнце, оно было бито рубелем — специальной ребристой деревяшкой для выкатывания льняного белья...

— А ты помнишь, что льняное не гладили утюгом?

— Точно! Бабушка наматывала полотенца на специальную скалку и катала по столу рубелем! А хлопок гладила. Железный утюг грела на печи.

— А мне давала такой серебристый утюжок, рифленый...

— И мне! Махонький такой!

— А ведь бабушке Аиде тогда всего сорок восемь было, а выглядела она на тридцать два!

...Юная стройная красавица Аида взбивала перины, как свежие деревенские сливки, и оставляла млеть под солнцем. Это было особое ее, бабушкино, слово «млеть» — дабы выжечь всю зимнюю тоску и кручину. И уже не зной стоял, а та особая июльская теплынь, мягкая и нежная пора, редкая в нашем тверском дождливом краю. Вот тут на крыльцо, как на сцену Большого театра, выходила Хельга Карловна. Замирая в изящной позе, она минуту осматривала наши «Персидские мотивы», как она это называла, затем распорядилась сделать себе «лежанку» и сама же уходила на сеновал за лестницей. А потом за ней бежала Аида, и они обе тащили лестницу от сеновала к крыльцу. Лестницу устанавливали под углом к крыльцу, как детскую горку.

— И я сразу влезала на нее!

— И я! И кот Маркиз влезал!

И я вспомнила, как забиралась на ту лестницу, а потом никак не могла слезть, и торчала между небом и землей. Почти в облаках! И взрослые, кое-как спустив меня с небес на ковер, укладывали на лестницу огромную перину, и Хельга Карловна красиво укладывалась на нее загорать, непременно наклеив на нос белую кромку от газетного листа.

Господи, это же словно неделю назад было!

— А ты помнишь, какое небо было синее? — свешивалась сверху Соня. — Тут небо совсем не такое. Совсем нет нашей синевы! Ну, скажи!

Да, небо было удивительно синее, и по нему плыли белые пышные облака. И так здорово лежать на перине, среди зеленого моря травы, жевать травинку и наблюдать над собой в небе огромные пушистые облачные сугробы — или все-таки перины? Они, эти облака, непременно

должны были быть такими же, как перина. Пушистыми, мягкими, надежными...

— А тетя Лида приносила в ковшике красную смородину! Помнишь? Как бы я смогла это забыть!

— Меня эта смородина спасла, — сказала Соня задумчиво.

И так я узнала ее историю.

— Я школу в Казахстане заканчивала. Мама смеялась, что нас туда тянет, как магнитом, — Соня неловко примостилась на нижний ярус кровати, и мы с ней встретились глазами. — Она ведь туда еще в детстве попала... Там и моего папку встретила... Толик проходил срочную службу в армии, а я, окончив восемь классов, поступила в медучилище. Появилась новая компания, два года незаметно пролетели. Весна, жара, мы на озере торчали, экзамены побоку...

Она задумчиво улыбнулась чему-то. Я молчала, боясь ее перебивать.

— Мне вначале нравился совсем другой парень. Тоже немец. Белокурый, стройный... Но однажды мы на пляж с ребятами пошли, все стали раздеваться, а на нем майка голубая. Такая стариковская майка. Чистая, отглаженная, но голубая... Я как увидела, так все отрезало. Не стала с ним встречаться. А потом Толик появился... Я ему на второй же день рассказала, что моя мама — немка репрессированная, и вообще все-все, а он про свою родню рассказал. Потом мои родители уехали на две недели. Города смотрели, где можно поселиться после службы. Были варианты в Подмосковье, в Тульской области, но они выбрали Псковскую область — очень им город N понравился. Пока их не было, я целый день проводила на пляже — там же озеро Балхаш, а вечера на танцах. Он каждый вечер приходил. Майка у него была белая-белая... А тут мать нагрязнула...

Соня отвернулась к проигрывателю и выдернула шнур из розетки.

— Он знакомиться пришел, и с порога: «Их бин Адольф!» — и лыбится. А для мамы гаже имени на свете не было. Побелела, как смерть, нервный тик по лицу прошел. Я маму за руку трясу, мол, он пошутил. А она мне: наплачешься жить с таким хохмачом! В общем, решила она меня увезти. Куда? В Нелидово, к тете Лиде. Самое надежное, как она думала, место на Земле. Вот мы с самолета на поезд и к тете Лиде. Потом... меня потащили к врачу.

Я почти не дышала в своем кресле.

— Врачиша оказалась очень хорошая, — продолжала Соня. — Всех выставила из кабинета, а у меня спросила: «А вы не думали, что он вам никогда не простит этого?» И я поняла, что я не могу. Вот врачиха и написала: нельзя, и все. А потом меня заперли в доме тети Лиды, и все куда-то ушли. Я сидела в потемках, снаружи гроза собиралась...

Такая тоска — хоть в петлю... Сижу и слышу: вокруг дома кто-то ходит и стучит. На меня страх напал, я на кухню, за печку залезла и дрожу. Потом осмелела, высунулась тихохонько и обмерла: у окна темная фигура. Помнишь, у тети Лиды под окнами кусты смородины росли? Вот он сквозь кусты лезет, ладони прижал к стеклу и смотрит, кто в доме есть... Я снова спряталась за печь, уже почти вою со страху. Вдруг слышу: «Соня, отзовись!» Бросилась к окну, а там — он! Мой Толик! — Соня счастливо рассмеялась. — Рву шпингалет, а он заржавел! Чуть окно не раскокали, но открыли! И тут такой ливень пошел! С громом и молнией. Ни земли, ни неба не видно. Только он и я. Обнялись, он трясет меня за плечи: «Ты ничего не сделала?» Я реву: «А что, надо было?» — «Нет! Слава Богу, я тебя нашел!»

— Как же он сумел? — удивилась я.

— Когда узнал, что меня увезли, стал вспоминать все, что я о себе рассказывала. Вот и вспомнил про смородину и про тетю Лиду из Нелидово. На вокзал кинулся в справочную: есть такой город? Есть, говорят. А потом, как разведчик над картой, искал, где в городе Нелидово река, где мост... Помнил, что наш дом — последний над рекой, а вокруг дома — кусты смородины.

— А дальше?

— А дальше, как в сказке, — рассмеялась она. — Поехали мы в Казахстан с родней знакомиться, а потом галопом в ЗАГС, пока живот не вырос. Только расписались, как родители мои сдали казенное жилье и укатили в город N. И пришлось мне со свекровью жить. Помню, я с огромным животом полы мыла, а она ходила за мной и вымытый пол ладонью протирала: «Вымыла плохо! Давай еще раз!» Потом Дора-Помидора родилась... Короче, через четыре года уговорила я Толика к моей маме переехать. А у мамы — жизнь-малина: и первое, и второе, и чай со сдобой!

— И как мама вас встретила? — спросила я.

— С распростертыми объятиями.

— Значит, с Адольфом смирилась?

— Ну, у нас же любовь была, — гордо ответила Соня. — Мама так и сказала: если смог на другом конце страны найти, значит, способен на мужские поступки, хотя и Адольф.

— Я подумать не могла, что он Адольф...

— А ты думаешь, я знала? — воскликнула она. — Это же тайна страшная, и по документам он — Анатолий. Ну, важно то, что он всю жизнь считал, что он — Адольф. Нутро в нем кипело, что вынужден под чужим именем жить. Видишь ли, по их семейной традиции называть надо в честь деда, а у него дед по отцу — Адольф. А внучку, значит, надо на-

звать в честь бабки. Думаешь, почему у нас Дора? Потому, что бабка у Толика — Теодора.

— Мне Хельга Карловна говорила, что Дора — древнерусское имя от слова «дар».

— Во-во! Это она в книжках раскопала. Потому что на «Теодору» я была не согласна.

— Теодора — знающая Бога, — сказала я.

— А в жизни обзывали бы: «Из-за леса, из-за бора скачет бабушка Федора»!

— Ты права.

— Вот скажи, когда их ждать? — вдруг воскликнула Соня. — Позвоника ты нашим и узнай, скоро ли вернутся.

Глава 36. У Доры

Я ушла искать мобильный телефон, чтобы позвонить Дмитрию и Толику, а заодно проверить, не звонила ли Наташа. Пропущенных звонков и новых сообщений не было. Телефон беспечно дремал на дне чемодана.

Тем временем Соня убрала пластинки в потертые бумажные конверты и стала собираться в дорогу. Ее прическа и костюм предвещали визит если не к принцу крови, то к кому-то из его ближайшего окружения.

— Что мне надеть? — спросила я.

— А что хочешь! Тебе все идет.

— Подождем наших?

— Семеро одного не ждут! — Соня сняла связку ключей с крючка на вешалке. — Пусть теперь догоняют, как хотят. А я ушла. Все по плану. И он это знает!

Мы довольно бойко преодолели лестницу, и Соня уцепилась за ручки своих ходунков, оставленных утром в холле первого этажа.

— Идем! — скомандовала она.

Мы кое-как выкатились на тротуар, любезно раскланиваясь с соседями, добрались до угла дома и поплыли в сторону трамвайной остановки, откуда уже летели навстречу наши мужья.

— Мы задержались, — виновато проговорил Толик. — Я Дмитрию машины показывал...

Соня не удостоила мужа ответом. Гордо вскинув подбородок, она двигалась вперед. Толик пожал плечами и, как преданный пес, пошел следом. Но вскоре они с Димой перешли на противоположную сторону дороги и обогнали нас, о чем-то жарко дискутируя. Впрочем, время от времени они оборачивались проверить, не нужна ли нам помощь.

— Никогда не догадаешься, куда я тебя веду!

Газоны давно уже остались позади, уступив место лугам. Сочные травы трепетали на сильном ветру. Рядом тревожно закричала утка, и мы с Соней увидели в траве целый выводок утят, спешивших куда-то по своим делам.

— Им эта трава как густой лес, — заметила Соня.

— Чего вы тут потеряли? — окликнул нас Толик, перебегая на нашу сторону дороги.

— Дичь! — отшутилась она, кивая на уток.

— Пусть себе дальше чапают, — разрешил Толик.

— А куда они так? — заинтересовался Дмитрий, подошедший следом. — Здесь рядом водоем?

— Скоро увидите сами.

Мы двинулись дальше вместе. Соня сбавила темп, пропуская мужчин вперед.

— Ну, угадывай! — подзадоривала она меня. — Куда идем?

Но гадать не хотелось. Хотелось рухнуть в траву и наблюдать плавный ход облаков по бескрайней голубой реке. Мне в детстве так представлялось: небо — река, облака — корабли или льдины...

Мы двигались дальше по асфальтированной дорожке, которая незаметно вывела нас на аккуратный округлый холм в тени высоких деревьев, где мы остановились, чтобы полюбоваться видом. Перед нами на зеленой, залитой солнцем полянке сияла черепичными крышами целая деревушка новеньких таунхаусов. Путь к домам преграждал небольшой канал.

— А это водоем! — воскликнула Соня и зашагала быстрее. — Смотрите, там мостик!

— Красотища! — поддержал жену Толик. — Хоть на плакат снимай!

На дорожке у ближайшего дома стояла пара юных созданий. Стройные, загорелые, ужасно серьезные, они склонились над велосипедом и чинили его в четыре руки. Августовский ветерок ерошил темные волосы Доры и перебирал светлые вихры Алексея...

— А-а, заметила моих внуков! — усмехнулась Соня. — Старшему в сентябре будет одиннадцать, а младшему уже девять. Хороши, правда? Томас и Алекс. Ти и Эл.

Едва мы приблизились к мальчикам, как они вскочили на свой велосипед и помчались прочь.

— Лешка! Тома! Вы куда? — окликнул их Толик.

Но мальчики даже не обернулись.

— Пусть катаются, — сказала Соня. — Есть захотят, вернуться.

— И не поздоровались, — сокрушался Толик. — С родным дедом...

Я подумала, что мы с Дорой никогда бы не удрали от Хельги Карловны без объятий.

— Ладно, — подхватила Соня, — звони уже, я ног не чую.

Но звонить не пришлось: замок щелкнул, и дверь открылась.

— Здравствуйте! — встретил нас на пороге коренастый мужчина средних лет. — Слышу, гости идут. Проходите, пожалуйста!

— Здравствуй, Зайчик! — притворно ласково поздоровалась Соня, обеими руками впиваясь в его протянутую руку и переваливаясь через порог.

— Привет, — сердито буркнул Толик, входя за женой.

— Добрый день, — отозвались мы.

— Ждем вас с самого обеда, — сказал «Зайчик», придвигая Соне стул.

— Так ведь у нашего папаши сегодня лотерея, — она села и откинулась на высокую резную спинку.

— Начинается, — проворчал Толик и махнул рукой.

— Зайчик мой, ты не представляешь, как я ждала! — радостно щебетала Соня.

«Зайчик» понимающе кивал и протягивал крохотные розовые тапочки, явно приготовленные именно для Сони.

— Ой, спасибочки, Зайчик! Мы еле доползли!

Толик с оскорбленным видом прошел через прихожую и скрылся за стеклянной дверью.

Я смотрела на незнакомца, названного «Зайчиком», и силилась понять, как он связан с Лоттерами. Нас не удосужились представить. Может, это тесть Доры? Но тогда прозвище «Зайчик» фамильярно и неуместно.

— А где же наша дочь? — спохватилась Соня. — Тео-дора! — возопила она, вскакивая с неожиданной ловкостью.

— Вот так и живем, — обратился к нам «Зайчик». — Будем знакомы. Я — Арнольд Гроосмут.

Удивлению моему не было предела. Дорин муж Арнольд оказался гораздо старше, чем я ожидала.

— Проходите, пожалуйста. Нет-нет, не разувайтесь!

Не успели мы ахнуть, как супруг Доры проводил нас в просторную гостиную, где уже был сервирован праздничный стол.

На каминной полке стояли фотографии: Алекс в красном автомобильчике, Томас верхом на пони и огромный семейный портрет, где Дора с Арнольдом сидели, как голубки, рука в руке, ясноглазые и черноволосые, и счастливо улыбались.

— Это перед свадьбой, — пояснил Арнольд.

— Да, — кивнула я, — моя бабушка привозила такую фотографию.

— Аида-старшая? — улыбнулся Арнольд. — Хорошо ее помню. Как будто вчера это было...

Он провел рукой по своей лысой голове:

— Какой я был лохматый! Просто не верится...

Я мысленно согласилась с ним. Сейчас он походил на собственного отца, если сравнивать с тем давним снимком.

Наши воспоминания прервал Толик. Раскрасневшийся, заметно повеселевший, он вошел в холл и с места в карьер бросился «доводить до ума» роскошный обеденный стол. Он требовал от зятя то других ножей, то еще салфеток, словом, суетился как мог. Надо сказать, что все эскапады тестя Арнольд принимал с олимпийским спокойствием, выполняя приказы по мере поступления.

— Ну-с! Все уже видели? — торжествуя набросился на нас Толик. — На первом этаже — кухня, сортир, кладовка и вот эта зала.

«Зала» — так называла гостиную бабушка Фрида, а теперь и Толик.

— Двадцать пять квадратов! Дверь ездит на рельсах!

Толик дергал ручку так и сяк, но дверь не открывалась. Арнольд поспешил помочь, пока ретивый тесть не выломал ручку вместе с дверью. Дверь распахнулась.

— Кто со мной, тот герой!

Толик помахал нам и вышел во внутренний двор. Через секунду он уже тряс дверь сарая:

— На фига вы все запираете?

Зять поспешил устранить и эту преграду. Мужчины скрылись в небольшом аккуратном сарае.

Появилась Соня.

— А где Дора? Теодора! — громко позвала она. — У тебя, между прочим, гости!

— Да знаю я! — раздался знакомый голос.

На миг мне показалось, что сейчас к нам выйдет десятилетняя Дора, поправляя свою старушечью гребенку в волосах, и спросит: «Гости? Эти, что ли?»

Послышались быстрые шаги. Сердце мое стучало где-то в горле.

Появилась Дора — высокая, стройная, с модной прической. Она вошла в гостиную и обняла меня.

Мужчины вернулись в дом, придвинули стол ближе к дивану, на высокий стул водрузили толстую подушку для Сони. Усадив нас с Димой на мягкий диван, а родителей — на жесткие стулья, Дора и Арни разошлись в разные стороны стола: хозяин сел во главе, спиной к стеклянной двери, а хозяйка — напротив него, спиной к кухне. Возле Доры сидели мы с Соней, а возле Арнольда — наши мужья.

— Последний штрих, — шепнула Дора и зажгла свечи.

Стол был так хорош, что мы, не сговариваясь, зааплодировали. И закуски, и румяные пироги, и жаркое прямо из печи!

— Ну, жажнем за встречу! — не выдержал Толик.

— Один момент! — откликнулся Арнольд.

Из маленького полированного серванта он достал крохотные рюмочки и налил каждому щедро, «по обручик», той самой русской сорокаградусной, обделив себя:

— Я за рулем!

Все разом сдвинули рюмки, выпили, поморщились. И так тепло стало на душе, словно все наши родные, уже ушедшие — дедушка Сева, бабушка Хельга, тетушки и дядья, кумовья и свояки — незримо присутствовали за этим столом.

Дора потчевала нас закусками, которые Арнольд то и дело приносил из кухни. Вскоре он пересел к жене, и церемонное разделение стола на женскую и мужскую половину было нарушено.

После третьего тоста разговор стал общим. Но, о чем бы ни заходила речь, Толик то и дело возвращался в город N. Сам город Толик видел таким же, каким он его покинул в девяностые. Но у каждого из сидевших за столом был свой собственный город N. У Доры — самая последняя версия, после мощного апгрейда: с шикарными ресторанами и клубами, где она с друзьями отмечала свои редкие приезды. Соня помнила версию попроще — город N, уже начавший помаленьку очухиваться на пути от «лихих девяностых» к «тучным нулевым». Один Толик все еще пребывал на пыльной улице Некрасова под остановившимися часами радиозавода.

— Да ты запарил! — взрывалась дочь.

— Притомил уже, — вторила жена, — и такая временная и культурная пропасть чувствовалась между этими «притомил» и «запарил»!

До меня вдруг дошло, отчего Толик стоит насмерть, защищая облупившуюся улицу Некрасова и мертвый разрушенный город N, шелестящий клетчатými баулами челноков. Ведь если там и правда наладилось, — выходит, зря он драпал, как крыса с тонущего корабля?

Едва спор за столом стих, как Толик нашел для него новый повод.

— Ома Соня пришла, а киндеры уехали, — вздохнул он.

— Ну вот опять! — нахмурилась Соня. — Опять эта «ома»!

— «Ома» — это бабушка, — пояснила мне Дора.

— Да сколько можно? — обиделась Соня. — Опять эта «ома Соня»! Вечно на всю ивановскую орет: «Ома Соня! Кам цу мир!»

— А нас учили, что «бабушка» — это grosмутер, — заметила я.

— И нас! — поддержал Толик. — А тут оказалось, что «бабушка» — «ома», а «дедушка» — «опа». Вот зять вам расскажет...

И Арнольд охотно рассказывал, как в детстве в городской школе города Актюбинска учил школьную учительницу немецкого языка простым обиходным немецким словам, отличавшимся от слов из советского учебника. С изумлением мы узнали, что до семи лет русского языка он не знал: в семье говорили только по-немецки. Иногда Арнольд на пару мгновений прерывался, исчезал на кухне и тут же появлялся с новым блюдом.

— Печеночный пирог! Вкуснотища, — хлопала в ладоши Соня. — Вот какой у меня зять! И печет, и варит...

Все, кроме Толика, восторгались талантами хозяина, пока не смутили его окончательно. Желая переключить внимание на себя, Толик вспомнил Ганновер, который в его произношении немцы не узнавали, принимая за какой-то новый город.

— Проверьте, куда билет купили, — подмигивал он нам с Димой. — Вам нужен Хампурх! А вы куда собрались?

Мысль, что мы можем потеряться, развеселила его, но Соня встревожилась не на шутку:

— Зачем вам куда-то ехать? — квохтала она. — Сидели бы дома! По были бы с нами!

Вместо ответа Дмитрий достал билет и показал его всем.

— Вот умора! А жену забыл, — злорадно засмеялся Толик. — Один билетик-то, холостой поедешь?

Впрочем, рассмотрев проездной документ, он сразу скис. Мало того, что билет был именно в Гамбург, так он еще и давал право путешествовать группой из четырех человек туда и обратно в течение всего дня. Поезда ходили, как электрички.

— Бремен вам понравился? — решил разрядить обстановку Арнольд.

— Очень! Красота! И зелени столько. Мы сегодня с высоты птичьего полета посмотрели. Поднялись на лифте на крышу торгового центра.

— Какого еще торгового центра? — всплеснула руками Соня.

— У квартала Шнорр, в самом начале улицы бутиков, есть здание, в лифт которого можно войти прямо с улицы, — принялся объяснять Дима.

— Да нет у нас такого, — надменно перебил Толик. — Я бы знал!

— Подождите, — вмешался зять, — там еще рядом скульптура в виде земного шара?

— Да-да, — кивнули мы с Димой.

— Нет у нас такого лифта, — мрачно повторил Толик.

Арнольд не стал спорить. Он взял с полки ноутбук и нашел снимок Доры с сыновьями как раз на фоне того самого лифта.

— Вот, полюбуйте́сь.

— Да, — кивнул Дмитрий и достал свою камеру. — Мы поднялись на крышу и снимали город сверху.

И он показал Арнольду нужный кадр. Толик привстал с места и заглянул в экран.

— Фуфло! — поставил он диагноз. — Это не крыша! Там тачки стоят, значит — автостоянка.

— Да, там на крыше здания есть кафе и стоянка авто, — ответил Дима.

— Чушь, — отмахнулся Толик.

— Тогда прямо напротив тачек видны часы на Соборе? — поинтересовался Арнольд.

— Да мало ли? — пожал плечами Толик.

— Давайте я вам сейчас в интернете эту улицу найду, — предложил зять.

— Ну, конечно, — ухмыльнулся Толик, — когда сказать нечего, вы в свой ящик лезете!

— Папа в своем репертуаре, — сказала Дора. — Если он чего-то не знает, значит, этого в природе нет.

— Зато у меня есть свое мнение, — огрызнулся Толик.

Арнольд открыл карты и нашел нужную улицу.

— Именно здесь, — подтвердил Дмитрий. — А можно найти карту Гамбурга?

— Конечно, — кивнул Арнольд, и они придвинулись к монитору.

Наконец-то Дмитрий получил возможность утолить свое любопытство. Он расспрашивал Арнольда обо всех нюансах германской жизни и впервые получал не жалобы, а подробные ответы. Арнольд во всем старался разобраться досконально, внимательно выслушивал собеседников — словом, был полной противоположностью своего тестя.

— Кстати, хотел спросить про Беттхерштрассе, — проговорил Дима.

— Улица Бондарей — туристический маршрут, — тут же принялся объяснять Арнольд. — На стометровой улице расположено семь зданий в оригинальном стиле: «Кирпичный экспрессионизм». Придумал эту улицу бременский торговец кофе Людвиг Розелиус. Он и деньги дал, и архитекторов нашел. Говорят, по всей Германии некондиционный кирпич собирали, чтобы забачать такие дома — под старину.

— А когда улицу строили? — уточнил Дима.

— В 20–30-х годах XX века.

— Там еще такой заметный барельеф, — напомнила я.

— Lichtbringer — «Несущий свет», — сказала Дора, — так он называется.

— Вот тебя не спросили, — раздраженно буркнул Толик.

— А вы спросите. Я могу много интересного рассказать, — невозмутимо отозвалась Дора. — Мы с Томасом писали работу для школы как раз про эти старые бременские дома. Там каждый дом особый: дом Робинзона Крузо, Дом Атлантиды, Дом семи лентяев и так далее. Архитектора Бернхарда Хетгера жутко критиковали лидеры СС за романтику, и он вынужден был заявить, что «Несущий свет» представляет собой победу вождя над силами тьмы.

— Какого еще вождя?

— А какой мог быть в Германии вождь в 1936 году?

— В Интернете пишут: «Der 1936 angebrachte Lichtbringer wurde als Analogie zu Adolf Hitler gedeutet, um so die Bauten zu retten⁷», — Арнольд развернул экран ноутбука так, чтобы все могли прочесть.

— Ишь какая «дева золотая»! — только и мог сказать Дмитрий. — Спасибо, Арнольд.

— На здоровье, — улыбнулся тот.

— Вы нашли друг друга, — ревниво заметила Соня.

— Два друга — метель да вьюга, — хмыкнул Толик.

— Так выпьем за дружбу, — миролюбиво предложил зять, убирая ноутбук.

И все выпили. Затем Толик, всем своим видом показывая, как мы ему надоели, удалился на задний двор курить. Зять вышел за ним следом, и они принялись отчаянно жестикулировать за огромной стеклянной стеной. Дмитрий вздохнул и пошел на выручку хозяйину.

— А я? Меня забыли! — всполошилась Соня.

Она подсказывала на месте и размахивала руками до тех пор, пока они ее не заметили и не вынесли во двор вместе со стулом.

Мы с Дорой переглянулись и бесшумно выскользнули из комнаты.

Глава 37. **Яблоко запрета**

Стараясь не шуметь, мы на цыпочках поднялись на второй этаж и обнялись.

— Скажи, он похож, ведь правда? — прошептала мне в самое ухо Дора.

— Да, очень похож, — согласилась я, догадавшись, что она спрашивает о сходстве своего младшего сына с Алексеем.

— Я так рада!

⁷ В 1936 году барельеф «Несущий свет» был истолкован как аналогия с Адольфом Гитлером, чтобы таким образом спасти сооружения (нем.).

Мне стало не по себе от мысли, что сейчас она начнет рассказывать о своей тайной личной жизни. Но Дора разжала объятия, подмигнула мне, словно поставила невидимую галочку в неведомом блокноте, и сменила тему.

— Пойдем, буду хвастать! — ее лицо осветилось радостью.

Она показала мне две уютные детские комнаты, просторную ванную и потянула дальше на третий этаж:

— Здесь будут мой будуар, мастерская и спальня.

«Будуар» в настоящий момент был заставлен разномастной мебелью. Поперек комнаты расположился советский полированный шифоньер. Он буквально нависал над двуспальной кроватью; непонятно было, каким образом хозяйка ухитряется открывать его дверцы. В ногах кровати сиротливо притулился потрепанный портновский манекен, увенчанный пиратской шляпой, за ним торчала высокая резная тумбочка со швейной машинкой, следом за ней пузатенькая тумба на гнутых ножках услужливо протягивала всем входящим проигрыватель... И всюду какие-то ящики, чемоданы, стопки журналов.

Мы добрались до манекена и остановились над кроватью.

— Свою комнату младшему отдали — видишь, костюм ему шила на Новый год, — Дора отвесила щелбан пиратской шляпе, — а сами сюда, под крышу переехали. Хочу сделать шикарную комнату. Как тебе такой план?

— Отлично, — поддержала я.

— Я уже и мебель прикупила, зацени, — добавила она, и меня кольнуло это полузабытое слово из детства — «заценить».

Дора захлопала в ладоши и ткнула указательным пальцем в сторону шифоньера. Мы переглянулись и прокрались в тыл полированного мебельного мастодонта. Здесь, в закутке под слуховым окном, было неожиданно светло и уютно. Дора показала мне роскошное трюмо с крохотным стульчиком. Над ним я заметила полку со старыми игрушками и плакат группы «Арабески».

Затем Дора потащила меня в захламленную часть комнаты.

— Давай побалдеем! — она рухнула на кровать, увлекая меня за собой.

Я села рядом с ней и, повинувшись ее примеру, откинулась на спину.

— Мне твой дом дачу напоминает, — сказала я. — Ты нашу «трапецию» помнишь?

— Да, здесь такая же крыша, — радостно воскликнула Дора. — Как у нас! Дед мой говорил: трапеция в разрезе!

— Помнишь, какие нам шила тюфяки бабушка?

— Да, и сеном набивала...

Она повернулась ко мне и подперла голову рукой. Я ощутила вдруг, что лучшего повода для доверительного разговора не представится.

— Дора, а где Хельгу Карловну похоронили?

— Стыдно сказать, но я не знаю, — Дора резко села, сдвинулась на край кровати и обняла свои колени. — Без нас хоронили. Я в больнице лежала, муж с детьми сидел.

— Что с тобой было?

— Осложнение после родов. Слава богу, обошлось, — она тяжело вздохнула. — Бабушка Агата все устроила. Понимаешь, какое дело, — она медлила, подбирая слова, — тут очень дорого умирать. Поэтому пришлось делать кремацию... И могилы как таковой нет.

— Значит, нужен адрес колумбария.

— От бабушки я ничего не добилась, она только твердила: «Я сделала все, что могла — все вопросы к Соне!»

— Так ты спросила у мамы?

— Спрашивала. Без толку! — разозлилась она. — Только спрошу, так начинается: «Это что же, и у меня ни могилы, ни памятника не будет?» Мать в истерике бьется, папаша психует. Ладно, давай не будем портить воскресенье.

— Хорошо, давай позже поговорим.

— Ладно, — кивнула она, — я еще раз у бабушки спрошу.

Дора шмыгнула носом, полезла в карман за платком, встала и отошла к окну. Спокойная и самоуверенная за обеденным столом, в своей собственной комнате она словно не находила себе места: прислушивалась к шагам на лестнице, то и дело выглядывала в окно.

— О, гляди-ка, мама папаше ЦУ дает.

«ЦУ» — ценные указания. В семействе Хельги Карловны часто использовали советские сокращения и военные термины. Я подошла к Доре и выглянула в окно. Прямо под нами, на газоне, Толик с Димой что-то измеряли ярко-желтой рулеткой, а Арнольд вбивал в землю одинаковые колышки. Соня наблюдала за ними из кресла и что-то говорила. Справа и слева от Дориного участка за тоненькими заборчиками виднелись участки соседей, сделанные как под копирку, с ровной полоской травы и одинаковыми хозпостройками.

— Воюете с отцом? — спросила я.

— Да он у меня вот где уже! — она сжала пальцами горло. — Таскает сюда каждого встречного-поперечного... Ой, — осеклась она, — это я не про вас! «Зырьте! Я доче дачу отгрохал! Делайте бизнес со мной!» Небось, и твоему мужу дело на сто лимонов предлагал?

— Давай откровенно, — я понизила голос. — Им не хватает денег?

— Всего им хватает, — возразила Дора.

— Они же каждую копейку считают, а тут мы на голову свалились... Может, заплатить им, как за гостиницу?

— Найн! — испугалась Дора. — Папаша все до цента пропьет или на порноканал спустит. Вот скажи мне, зачем ему этот канал?

— Да, зачем? — растерянно повторила за ней я.

Она презрительно скривилась и постучала пальцем по виску.

— Какой хороший вопрос: зачем, если тут по выходным каждую неделю «кино для взрослых» крутят? Бабушка Хельга говорила: «Чтобы вся страна слилась в едином экстазе и настрогала новых солдат», — Дора покачала головой. — Но наш — не такой! Он у нас гордый. Не может вынести, чтобы ему личную жизнь регулировали. Проклятая Дойча!

— Ну, так я Соне деньги отдам.

— Даже не думай, — перебила она, — обида будет на всю жизнь. Она же за неделю скатерти выбирала, ванну драила, гардины стирала...

«За неделю скатерти выбирала...» Значит, Дима прав, и моя школьная подруга заранее перепоручила нас Лоттерам! Но зачем тогда Наташа звонила в последние дни: «Мать, все в силе?»?

— А моих подруг как встречают, а папашиных коллег! — продолжала Дора. — Фарфор-хрусталь, мельхиоровые вилки. Для мамы гости — главный праздник! Ее хлебом не корми, дай пыль в глаза пустить, а тем более тебе.

— Почему мне?

— Так ты же — родня! — хмыкнула она.

— Подожди, я машинку вязальную видела. Неужели она снова вынуждена давать план?

— Какой план? Забудь! Это у нее такое хобби. Времени у нее — вагон, а заняться нечем, вот и вяжет. Потом всем шали раздаривает.

Я покачала головой.

— А еще, знаешь, что она делает? По барахолкам ходит, барахло выбирает, чтоб потом с понтом раздарить. А на самом деле все это шротт⁸. Ко мне одноклассница приезжала, взяла мамины подарки из вежливости, до ближайшей помойки отнесла и выбросила. А через пару месяцев сидит она у себя дома, никого не трогает, вдруг на ночь глядя звонок в дверь: «Здрасте, я ваша тетя! Поживу у вас недельку!» Это фрау Зофи Лоттер в гости приехала, без предупреждений, заметь, — Дора подняла палец к потолку, в точности повторяя жест своей мамы. — Она ничего просто так не делает, еще и попрекнет: «Они ко мне голодные-холодные явились, а я их одела-обула!»

⁸ Schrott — барахло, хлам, рухлядь, старье (разговорн. нем.).

Тут Дора снова выглянула в окно, приложив палец к губам, на цыпочках выскользнула из комнаты и через полминуты так же тихо вернулась.

— Чай пьют, — сообщила она и плотно прикрыла дверь.

— Знаешь, мы сегодня собрались на ярмарку, уже из дома вышли, ты не поверишь...

— Поверю, — перебила она, — вы из дома вышли, а мать с порога разрулила домой. «Ха-ха!» — три раза. Плавали, знаем.

— Может, ей плохо стало?

— Вот уж нет! Любимый сериал по утрам повторяют, а тут вы со своими глупостями, — пояснила Дора. — Она мне раз пять уже звонила и на тебя жаловалась, что ты такая же непоседа, как бабушка Хельга. Ты думаешь, почему она сейчас к нам прибежала на своих двоих? Потому, что Арни пригласил на обед, а значит, не надо самой готовить, мыть и убирать! Посудомойку включать не надо! Меньше будут счета за свет, за воду и за газ. Вот! — она показала мне сжатый кулак. — Сколько плюсов!

— Жуть какая, — не удержалась я.

— Самой страшно, — кивнула она. — Есть одна старушка, у которой я прибираю, так ей врачи сказали, мол, фрау, надо больше ходить. Чем больше станешь ходить, тем дольше не будешь ходить под себя. Бабка испугалась, и давай ходить. Написала план: каждый день — один круг с ходунками вокруг дома. Смогла два круга — ура, праздник! Потом смогла уже три. А теперь бегаёт бегом. Сама! Без ходунков, без костылей. А почему? Потому что захотела. А эти? — она поежилась. — Папаша каждый день напивается, а потом всех достает. Его новая мечта — срубить бабла и умотать на край земли, чтобы только нас не видеть. А мама сиднем сидит. И диагноз у нее — лень. Врачи ее и ругали, и увещевали. Говорили: если будет ходить, то и ноги будут работать, а если засядет дома, то отсохнут. Прописывали спортзал, беговую дорожку, шагомер... Угадай, что она им ответила? «Инвалидную коляску дадут бесплатно? Тогда мне по барабану, пусть отсыхают!»

— Бред какой-то, — вырвалось у меня.

— Бред сивой кобылы, — согласилась Дора. — Заниматься она не хочет, а чуть где кольнет — в слезы: «Не хочу в пакет!»

— В какой пакет?

Дора понизила голос:

— У нас тут каждому к похоронам гарантирован супер-пупер новомодный гробик из натуральной синтетики. Целлофановая упаковка и кремация. Ты бы знала, как мать этого боится! Мы с ней передачу смотрели о том, как ученые перед кремацией к мертвецу присобачили проводки, чтобы посмотреть, что приборы покажут. Так вот, когда дали огонь, приборы отобрали ужас и страх, как у живого человека. Мамка

с тех пор на эту тему даже заикнуться не может, боится, как огня... Тьфу ты, типун мне на язык!

Я вспомнила одно из писем Хельги Карловны. Она писала: «Не уйти от судьбы: рожденных сгореть в крематории змея не ужалит». Эта фраза меня задела за живое, но я и подумать не могла, что она пророческая.

— А хочешь правду? — вдруг резко произнесла Дора. — Вся моя жизнь — сплошная липа! Полное фуфло! Фикция! Вот как папаша при-таскивает сюда своих друганов и лепит им горбатого: «Доче дачу подарил!» — а сам гроша ломаного не дал! А если не заплатим по кредиту, — добавила она, — выселят нас к чертовой бабке.

— Много нужно заплатить?

Она поморщилась:

— Арни продал свою квартиру в Казахстане и все деньги вложил. Бабушка Хельга больше четверти суммы внесла. Сама же знаешь, она и квартиру, и дачу, и гараж продала. А мои квартиру продали и ни копейки не дали!

— А на что потратили? — заинтересовалась я.

— Без понятия. На лотерейные билеты или на хрусталь, а может быть, на памятник...

Дора помрачнела и полезла в тумбочку за сигаретами.

— Кому памятник? — во мне затеплилась надежда, что речь идет о Хельге Карловне.

— Себе любимой, кому же еще! — ехидно отозвалась Дора.

Она прикурила, жадно затянулась и высунулась в окно.

— Ой, где это они? — Дора сунула мне свою дымящуюся сигарету. — Только бы мамка не засекала! Схожу на разведку...

Где-то далеко-далеко в прошлом осталась наша дачная комната с точно такими же стенами. Как же сладко в ней спалось!

— Там такие вопли, — сообщила Дора, возвращаясь через пару минут. — Спорят, похожа ты на немку или нет. Папаша громче всех орет, что у тебя глубоко глаза посажены — чистая арийка, хоть пробу ставь. Он нам всю плешь проел на эту тему. Ему, видишь ли, на каждом шагу люди говорят, что племянница (это ты, значит) — истинная немка.

— Да кто говорит-то? — изумилась я.

— Люди, — пожалала плечами она, — соседи, прохожие, все вокруг. Вы же сегодня на экскурсию ходили, так официант в кафе решил, что ты местная, а папаша — турист. Так ему и сказал. Теперь папаша год будет тебя вспоминать. Кстати, он решил, что твой муж — богатей. Будет теперь ему всякие дурацкие планы предлагать, чтобы самому навариться.

— А работать он не пробовал?

— Еще чего! — притворно скривилась Дора. — Он у нас калека двадцатого века! На бирже стоял, а как находили работу, делал все, чтобы выгнали. Знаешь, как он жить хочет? Чтобы у нас все было, но нам за это ничего не было.

— Он так и живет! — возмутилась я. — Все у него есть, ни в чем не нуждается. Мечты сбылись!

— Не все, — возразила она. — Он дорогую тачку хочет! Только никак понять не может, почему к ней нужны и страховка, и бензин, и налог. Короче, проклятая Дойча! — добавила Дора и поглядела на часы. — Вот сейчас он доспорит, еще рюмочку махнет и покажет...

— Что покажет? — насторожилась я.

— Вторую часть Марлезонского балета, — усмехнулась она. — Мечтатель... всю жизнь мне своими мечтами разрушил.

— Как это? Расскажи...

Дора тяжело вздохнула и отвернулась к окну.

— Началось все это на курсах дойча. Когда папаша заметил, что я нравлюсь Арни, он придумал гениальный план: выдать меня замуж — фиктивно, ради жилья. Каждой молодой семье дают хорошую просторную трехкомнатную квартиру. Из всех наших ребят он выбрал Арнольда и просто запретил ему ко мне подходить. Я была этим... как его? Яблоком запрета.

— Запретным плодом? — предположила я.

— В точку! — кивнула она. — Только Арнольд в мою сторону глянет, папаша сразу бучу поднимал: «Держись от нее подальше! Я тебе запрещаю!» Я и не знала, что мужики на такие запреты клюют. Папаша — псих, я бы сразу от него сделала ноги, а Арни, наоборот, приклеился, как баный лист. А папаша и рад стараться. Такие испытания придумывал! Мне даже самой стало интересно, чем все это кончится. Ждала, что Арни плюнет и уйдет. Но тот все выдержал. Тогда папаша сам о свадьбе заговорил: мол, нельзя без этого, и обязательно в церкви. А здесь жениться невыгодно — из-за налогов. Люди только на пенсии венчаются. Арни долго пытался папаше про налоги объяснять, но потом сдался. Так папаша неделю пел от счастья...

— Извини, что перебиваю, но я не пойму: если брак фиктивный, зачем тогда венчаться? Где логика?

— Какая у него логика? Бабушка Хельга говорила, что он власть ощутил, покуражиться ему захотелось. Вот и покуражился! Когда мы в кирху пошли, он чуть священника до кондрашки не довел. Орал, что мы — русские люди, и никогда чужой веры не примем. Как тебе такой поворот?

— Уже не смешно, — призналась я, — он же всю жизнь бравировал своим атеизмом.

— Ну, а я тебе о чем! — кивнула Дора. — У нас все были некрещеные, а тут нате вам, пожалуйста: «Да чтобы я, Анатолий Лоттер, вашу ересь принял? Мы — русские, православные!» — дурашливо изобразила отца Дора. — Потом стал подбивать Арни поменять веру. Ну что ты так на меня смотришь? Ну ради любви же.

— И что же Арнольд? — спросила я.

— Согласился, — не без гордости ответила она, — ради меня! Но предупредил, что все взносы на церковь даром пропадут.

— Какие взносы?

— Родители Арни раньше переехали и уже два года десятину в свой храм платили. Это вроде страховки на черный день: прихожане одной церкви помогают друг другу в беде. Так вот, если бы Арни ушел, на помощь церкви уже нельзя было бы рассчитывать. Папашу чуть жаба не задушила. Снова ко мне с рацпредложением: «Ты венчайся, доча, но не крестись! Скажи, что ты уже крещеная, обмани этих проклятых прусаков!» Но я врать не стала, сказала все, как есть. Падре спросил, читала ли я Библию, стал вопросы разные задавать. Потом меня окрестили и назначили венчание. Так папаша со мной неделю не мог говорить, ему, видишь ли, было противно. А спроси его — он и не знает, чем лютеране от православных отличаются. Когда уж до венчания дошло, он всех до печенок достал. Я была уверена, что Арни пошлет его и уйдет. Кто угодно от такого тестя сбежит на край земли. А он, видишь, не сбежал, — Дора снова достала сигарету и закурила.

— Нам сразу квартиру дали, как раз на одной улице с родителями, так папаша притащился с рацпредложением, дескать, мы к вам переедем, а мою хату сдадим. Арни даже тут спорить не стал. Уже не был сил спорить. Папаша радовался, как дурак, аж пел от радости, что такой чудо-бизнес придумал, и даже жильцов нашел. Все рассчитал! Все учел! — Дора выпустила струю дыма в потолок и усмехнулась.

— А что-то все-таки забыл? — догадалась я.

— Да! Незагадочную немецкую душу. Ему не пришло ни на секунду в башку, — Дора постучала себя кулаком по лбу, — что на него накатают телегу сразу четыре соседа и тот перец, что собрался квартиру снимать. Вызвали папашку куда следует и пояснили политику партии — мама не горюй! Бизнесмен хренов!

— Да, — покачала я головой, — узнаю Толика. Не меняется он.

— Он так потом орал, мы думали, точно до инсульта доорется. Орал, аж уши закладывало. На нас орал, не на чиновников же орать. И все по-немецки, — Дора понизила голос до шепота, — свое любимое: «Хенде хох! Гитлер капут!» А на другой день его соседка останавливает и говорит: «Адольф! Я слышала у вас какие-то странные слова из квартиры.

Так вот, я думаю, вы, наверное, какие-то плохие фильмы смотрите про войну. Вы это заканчивайте, а то я буду жаловаться!» Папаша совсем опупел и в ужасе пошел домой. Сопли-слезы: «Да на хрена мы в этот концлагерь приехали?» Тут бабушка Хельга вступает: «Да в Казахстане и то было лучше!», а на нее мамка кидается: «Они тебя сослали в Казахстан, а ты простила!» А та в ответ: «На это были причины, не тебе судить! У Толика маму сослали — она жива осталась, а мою не сослали — так ее немцы убили!» И все это — шепотом!

— Как? — поразилась я.

— Без звука! — пояснила Дора. — Попробуй рот открой — выселят.

Я вспомнила строки из письма Хельги Карловны: «Каждый вечер у нас немое кино. Эмиграция дарит новые традиции, увы, не всегда хорошие...» Так вот о чем она писала!

— Потом папаша стал мамку пилить: «Это теща виновата! Зачем она нас от дома оторвала, зачем сюда привезла?»

— А зачем, кстати, она вас сюда привезла? Давно хочу уточнить.

— Из-за варикоза, — отвечала Дора. — Она хотела маму мою вылечить. В тот год у мамы варикоз усилился, и врачи сказали, что такими темпами до тромбоза недалеко.

— Удивительно, — сказала я, — в России без всяких операций она через весь город бегала, а тут ходить перестала.

— Да, там через весь город гоняла, — растерянно повторила за мной Дора, — на автобус не хотела тратиться. А здесь села сиднем. Как бабуля сокрушалась, ты бы знала! Какие только запросы не посылала по клиникам. Местным врачам грозила судом, что плохо лечат, что равнодушные, что отмахиваются, да и половина анализов платно. Говорила: «Я до Берлина дойду!» Еще и бабушку Агату подключила, они вдвоем старались выгодную страховку для мамы найти, — губы Доры задрожали.

— Прости, Дорочка, я тебя расстроила. Мы от темы отклонились. Ты про себя рассказать хотела. Что было потом?

— Потом Томас родился. А на ребенка такое пособие дают! Папаша аж запил с радости: «Еще рожай! Разори этих немцев!» Потом решили дом покупать, чтобы не хуже людей, упаси господи — это же папке главная забота. Искали вариант, чтоб недорого. Дядя Штефан посоветовал в пригороде Бремена. Это считалось неосвоенное место, потому дешевле. А папаша загорелся, потому что боялся соседей в Штуре. И бабушка поддержала. Ей очень этот пригород понравился — говорила, на наш дачный поселок похоже...

Она снова села на кровать и обхватила свои плечи.

— Сколько мы бились с этим кредитом, и все напрасно. Арнольд уже десять лет работает по временному соглашению. Начальству так выгод-

но, чтобы меньше платить. А будешь рыпаться — сразу сократят. Спит плохо, волосы все выпали, ты же видишь, и язва у него на нервной почве...

Снизу послышалась возня и приглашенные голоса.

— Как же они меня заколебали! — сквозь зубы процедила Дора, ломая окурочек в пепельнице. — Скорей бы уже нас выселили! Брошу все к чертовой матери и домой уеду!

— Куда?

— К Лешке!

— А дети? — опешила я.

— И детей заберу!

— В коммуналку?

— Представь себе!

Я попыталась представить себе сыновей Доры в коммунальной квартире Алексея, но у меня ничего не вышло.

— Ты в своем уме? — ужаснулась я.

— А че? — надулась Дора. — Нормальное желание.

— Даже думать не смей! — приказала я. — Как они будут в школу ходить? Как они будут привыкать? За что им все это?

— А мне за что? — выкрикнула она и бросилась ничком на матрас.

Плечи ее дрожали.

— А жить на что? На какие деньги?

Дора ничего не ответила. Я тронула ее за плечо, но она скинула мою руку.

За дверью раздалась шаги.

— Чего они ушли и закрылись? — капризно вопрошала Соня.

— Дай ты им поговорить! — укорял ее Толик.

— А-а, Толичка! Я, может, тоже хочу послушать! — упиралась Соня.

Ручку двери несколько раз дернули, но не открыли.

— Пойдем, — убеждал Толик.

— Не пойду! — шептала Соня.

Наконец дверь скрипнула и отворилась.

— Вы что тут спрятались? — елейным голоском с порога обратилась к нам Соня.

— Выкройку искала! — рявкнула Дора так, словно ее поймали за чем-то непристойным.

— Хочу Диме эту комнату показать, — заявила Соня.

— Пожалуйста, располагайтесь, — Дора отвесила матери киношный поклон, — а мы пойдем, — она схватила меня за руку и потащила за собой.

— Вы уходите? — изумилась Соня.

— Пора мыть посуду, — крикнула ей Дора, не отпуская мою руку.

Я шла за ней, больше всего боясь, что сейчас она уткнется лбом в окно и будет смотреть на фонарь с отчаяньем висельника, как когда-то давно в детстве.

Мы спустились в гостиную, где обнаружили прибранный стол. За окном Арни в чем-то убеждал Дмитрия.

— Муж у меня орел, — обрадовалась Дора, — все убрал! Красота! — она постучала в окно и помахала мужу рукой.

Я поразилась тому, с какой легкостью она успокоилась и нацепила слащавую улыбку.

— Ребята, пойдемте кофе варить, — предложила Дора, приоткрыв стеклянную дверь.

— Отличная идея, — кивнул Арнольд. — Надеюсь, вам обед понравился?

— Выше всяких похвал, — искренне сказала я.

Мы прошли в кухню.

Откуда-то сверху раздалось заунывное завывание:

— Ребя-та! Снимите меня! Пжа-алста!

— Сиди там! — сурово отозвался голос Толик.

— Я уже два раза упала! — стонала Соня. — Снимите!

— А зачем ты лезла? Зачем?

— А-а, хотела послушать, о чем девки говорят...

Толик позвал зятя, и они вдвоем вернули Соню с третьего на первый этаж.

— Зачем ты к ним лезла? — пенял ей Толик.

— А я и в другой раз полезу, — уверяла его Соня. — Я такая!

Наконец кофе был сварен и выпит. Мужчины вышли из дома и принялись изучать новенькую машину хозяина. Дора осталась на кухне и принялась собирать для родителей остатки обеда. Она подавала мне контейнеры с салатами, а я выносила их на крыльцо.

— А меня на машинке отвезут! — Соня махала нам рукой и уже карабкалась в машину зятя. Толик грузил в багажник ходунки.

— Хотите с нами? — спросил он.

— Спасибо, мы пройдемся.

Дора подошла и обняла меня.

Я вдруг поняла, что забыла спросить самое важное:

— Зачем Хельга Карловна ездила в Гамбург?

Она в изумлении уставилась на меня и пожала плечами.

— Спроси у бабушки Агаты, ладно?

— Хорошо, — кивнула она. — Рада была тебя видеть.

Мы с Димой вышли на тротуар и медленно пошли к мостику через канал.

— О чем ты думаешь? — спросила я мужа.

— Думаю о том, в каких роскошных домах живут в Европе разнорабочие.

Я промолчала. Перед глазами стояла огромная квартира Хельги Карловны. Я вспомнила чаепития на веранде ее дачного домика, кусты смородины «для глаз» и облепиховые деревья «для долголетия», статуэтки и книги, альбомы с открытками. Вспомнила и потертый чемоданчик, с которым Хельга выходила добывать доллары на квадратные метры бременского внучкиного счастья. Ее улыбку, красивые руки с длинными пальцами, голубые глаза...

Я оглянулась на дом девочки Доры, в который было вложено так много любви. Из окна на втором этаже высунулся мальчик Том. Я помахала ему рукой, но он мне не ответил.